Конфликтогенный потенциал сакрального пространства православных храмов (на примере городских церквей Санкт-Петербурга)

Елена В. Рыйгас

*Ассоциированный научный сотрудник СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия, lauraev@mail.ru*

Аннотация. Повторяемость ситуаций, связанных с травматичным опытом посещения православных храмов, заставляет детально проанализировать проблему, суть которой сводится к избыточным неформальным негативным санкциям со стороны работников храма по отношению к посетителям. Репертуар негативных санкций включает в себя претензии, оформленные вербально (замечания, порицания) или кинетически (нарушение приватного пространства посетителя, физическое вытеснение посетителя с его траектории движения). Основной вопрос, решению которого посвящена статья, относится к рассмотрению структуры сакрального пространства: в какой степени его геометрия может служить постоянным источником конфликтов?

Конфигурация сакрального пространства православных храмов (в частности, главных соборов РПЦ МП в Петербурге) благодаря высокому иконостасу, предопределяющему траектории движения и направления взгляда, задает дефицит точек акустической и зрительной включенности посетителя в богослужение. Перераспределение этих локусов между посетителями создает основную драматургию совместного присутствия собравшихся на богослужении. Во внебогослужебное время траектория посетителя, как правило, синхронизируется с идущим вдоль периметра храма поясом проксемических объектов – медиаторов сакральной коммуникации (икон с подсвечниками, ковчегов с мощами). Однако даже в случае малолюдности храма посетитель оказывается в условиях дефицита пространства, поскольку траектория его передвижения может прерываться работниками храма, контролирующими внешний вид посетителя, его потенциальное вторжение в локусы с неочевидными границами и соответствие выполняемых им действий своду правил, обладающих, в свою очередь, высокой степенью имплицитности.

Конфликтность в этом случае задается функциональной неоднозначностью, когда храм, представляя собой религиозное сооружение для совер-

шения публичных богослужений, в перерыве между службами функционирует одновременно и как пространство для частных служб и индивидуальной молитвы, и как заведение по продаже религиозно маркированной атрибутики, и иногда в качестве музейно-концертного комплекса с приоритетом досуговой функции. Дополнительным источником конфликтогенности сакрального пространства является асимметрия внутренних статусов в приходе, когда агентами религиозной социализации выступают не священнослужители или специально подготовленные катехизаторы, а пожилые женщины с превалированием суеверного поведения над богословской образованностью.

Ключевые слова: православие, храм, сакральное пространство, конфликтогенный потенциал, траектория, границы, религиозная социализация, дефицит, депривация

Для цитирования: Рыйгас Е.В. Конфликтогенный потенциал сакрального пространства православных храмов (на примере городских церквей Санкт-Петербурга) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2019. № 2. С. 36–51. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-36-51

Conflict Potential of the Sacred Space in the Orthodox Churches (on the Example of City Churches of St. Petersburg)

Elena V. Ryygas

*Associated research fellow, Sociological institute of the RAS –
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, laupaev@mail.ru*

Abstract. A seriality of traumatic experience of the Orthodox temples attenders inspires an analysis the problem with a focus on surplus informal negative sanctions on the part of church staff towards church-attenders. Informal negative sanctions repertoire includes both verbal (comments, rebukes) and kinetic (interruption of private space or physical displacement away the trajectory of locomotion) pretenses. The main question of the paper investigates the structure of sacral space: how does its geometry provokes constant conflicts.

A configuration of the Orthodox churches' sacral space (in particularly, in the main cathedrals of S-Petersburg Metropolis of the Russian Orthodox Church) due to a high altar bar, predestinating trajectories of locomotion and direction of attenders' sight, provides a shortage of acoustic and visual attenders' involvement into a worship-service. A redistribution of these loci between churchgoers creates a main drama of their mutual attendance during a liturgy. Outside of liturgy a trajectory of visitors as a rule synchronizes with a running

along a church perimeter, i.e. the belt of tangible objects (icons flanked by candlesticks, reliquaries) – mediators of sacral communication. Though even thinly populated, a church place forces attenders find themselves in condition of a space shortage, so far as a trajectory of their locomotion is near to be interrupted by church staff, controlling both an appearance of visitors, their potential invasion into loci with unobvious lines and a correspondence their actions to a set of rules with a high degree of implicitness.

A collision in this case is provoked by a functional ambiguity, when a church, represented as a religious facility aimed public worships, in a break between services acts both a space for private requires or individual prayer, and as a commercial institute for religiously marked items selling, and sometimes as a museum-concert complex targeted leisure pastime. An extra well of a sacred space collisions is an insider parish status asymmetry, when an activity of catechism is occupied not by clerics or catechists, but by elder ladies with a superstitious behavior as their peculiarity.

Keywords: Orthodoxy, church, sacred space, conflict potential, trajectory, borders, religious socialization, scarcity, deprivation

For citation: Ryygas EV. Conflict Potential of the Sacred Space in the Orthodox Churches (on the Example of City Churches of St. Petersburg). *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;2:36-51. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-2-36-51

Конфликтные взаимодействия вплоть до насилия в рамках институционально predetermined отношений принуждения и подчинения характерны для «тотальных институтов» – например, приютов, психиатрических лечебниц, армии, тюрем и монастырей [1]. Хотя церковные приходы как объединение верующих при каком-либо храме по своим основным признакам к тотальным институтам не относятся, даже для церковных СМИ тема описания травматичного опыта посещения православных храмов является константной на протяжении уже не первого десятилетия [2–6]. Замечание митрополита Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова) в 2005 г. о «невежестве, грубости, бестактности, равнодушии к проблемам современного мира» церковных работников [2] дополняется высказыванием митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) об отсутствии «культуры общения с людьми, случайно зашедшими в храм», когда «некоторые прихожане или прихожанки, особенно из числа старшего поколения, воспринимают себя в Церкви как хозяева», сделанном в 2012 году [4]. Из заголовков церковной публицистики («Главный враг православной женщины – другая православная женщина» [3], «Мы в ответе за тех, кого оттолкнули. О реальной и мнимой грубости церковных ра-

ботников» [5] или «Бабкам нравится – значит, правильно!» Но что отпугивает от Церкви» [6] можно сделать вывод, что православный храм предстает как сообщество, доступ в который контролируется пожилыми прихожанками и церковными работниками, чья роль сводится к применению негативных неформальных санкций едва ли не ко всем заходящим в храм.

Вместе с тем главной темой работ по церковной этнографии является описание православных приходов с акцентом на историко-культурных особенностях каждого религиозного сообщества или на категориях социального взаимодействия между членами общины [7–9]. Изолированное рассмотрение сакрального пространства во взаимосвязи с его конфликтогенным потенциалом предполагает возможность поставить вопрос: насколько структура этого пространства способствует его конфликтогенности? Каким образом геометрия пространства провоцирует столкновение траекторий находящихся в храме посетителей и в какой мере столкновения траекторий являются конфликтными?

Анализируемый в статье эмпирический материал относится к данным неучаствующего наблюдения в православных храмах юрисдикции РПЦ МП на протяжении 2011–2018 гг. В число площадок для сбора полевого материала вошли главные храмы Петербурга с режимом работы с 10 утра до 19–20 часов вечера: Казанский кафедральный собор, Николо-Богоявленский собор, Владимирский собор, Троицкий собор Александро-Невской лавры, Феодоровский собор в честь 300-летия Дома Романовых, Скорбященская церковь на Шпалерной улице, Князь-Владимирский собор, церковь Спаса Нерукотворного на Конюшенной площади, Андреевский собор и Смольный собор, т. е. все те сооружения, которые имеют алтарь (зачастую несколько) для совершения евхаристии в отличие от часовен и молитвенных комнат. Наблюдения проводились в режиме многократных посещений каждой из площадок длительностью от 20 минут до трех часов в условиях заполненности храма не более двух-трех четвертей от основного объема, чтобы при мониторинге происходящего можно было занимать позицию аудиовизуальной включенности в происходящее.

В качестве отдельного замечания следует упомянуть о зависимости предписанных статусов исследователя (пола и возраста) на процедуру сбора полевого материала. Соответствие категории «молодая женщина без признаков воцерковленности» часто являлось достаточным, чтобы оказаться в ситуации максимальной уязвимости со стороны работников и посетителей храма – причем как женщин, так и мужчин. Иными словами, наличие определенных предписан-

ных статусов у исследователя может менять режим доступа к сбору материала, когда неминуемы замечания по поводу внешнего вида со стороны членов прихода, а граница всех передвижений по храму – алтарь, куда доступ для женщин закрыт. В то же время женщины-исследовательницы с большей вероятностью могут быть вовлечены во взаимодействия с другими членами общины по поводу уборки храма или помощи в трапезной, что опять же скажется на гендерной маркированности собранного материала. В силу особенного устройства православных храмов, внутренний объем которых, как правило, свободен от пересекающих горизонталей скамеек (характерных для католических храмов), с момента проведения полевого исследования возникла необходимость выбора точных пространственных координат и сценария специального (так!) поведения.

Этап пилотного мониторинга позволил выявить соотношение между внутренним объемом храма и конфигурацией границ того пространства, которое занимают посетители богослужения, как вписанной в пространство пирамиды, усеченная вершина которой совпадает с амвоном. Именно поэтому в период проведения служб площадками наблюдения поочередно выбирались крайние точки условного основания пирамиды безотносительно дискомфорта, который мог быть создан исследователем во время передвижения, поскольку любая занятая позиция в храме не избавляла его самого от кинетических и динамических воздействий на него со стороны других посетителей. Условием выбора точек наблюдения являлась возможность обзора максимально большей площади пространства во время богослужений. Во внебогослужебное время линия передвижения исследователя по храму воспроизводила тот маршрут, который свойствен посетителям, т. е. обход храма по всему периметру от одной иконы к другой. В качестве мельчайшей аналитической единицы была выбрана траектория, создаваемая передвижением находящегося в храме человека в контексте его специального поведения среди проксемических объектов.

* * *

При конструктивной схожести православных церквей с храмами других христианских конфессий (католиков, лютеран; с допустимым в рамках статьи отождествлением крестово-купольного и базиликального типов храмов), православные культовые сооружения имеют неотъемлемое свойство кумулятивного удлинения физического пространства при помощи семиотических вертикалей и горизонталей. Геометрия интерьера расширяется за счет многоярусного иконостаса и расположенной по периметру линией прок-

семических объектов: икон, ковчегов с мощами святых и других сакральных артефактов. Практика валоризации строительных материалов при продаже «именных кирпичей» и «именных свай» [10, 11] в зависимости от их потенциальной локализации в тектонических элементах будущего храма позволяет выделить его семиотическую вертикаль, когда «именные кирпичи» для алтарной апсиды и подкупольного пространства обходятся дороже, чем тот же самый кирпич для других частей здания. Согласно комментарию работницы часовни при воссоздаваемом в Петербурге на Сенной площади храме Успения Богородицы, разная цена на «именные кирпичики» обуславливалась тем, что одни из них будут «находиться там, куда восходят молитвы к Богу» (2016 г.) Вертикальное и горизонтальное удлинение храмового пространства за пределами его стен происходит при помощи ступенчатого семантического переноса: «архитектурная доминанта» – «духовная доминанта» города.

Претензии на доминирование в ландшафтной плоскости оформляются практикой крестных ходов (неизбежно конфликтных в условиях большого города из-за вынужденно перекрытого дорожного движения) или административным давлением церковных структур на светские исходя из приоритета интересов религиозных организаций, как это было, например, в сентября 2012 г., когда представители силовых ведомств собирались запретить владельцам клуба «ГлавClub» проведение концерта в поддержку находящихся в заключении участниц группы Pussy Riot ссылкой на географическое соседство клуба и Александро-Невской лавры [12], хотя на примерно том же расстоянии от монастыря находится ДК им. Ф. Дзержинского, в стенах которого часто проводятся концерты православных исполнителей [13].

Среди множества обозначений храма как «неба на земле», «дома молитвы», места совершения «храмового действия как синтеза искусств» [14] нет какой-либо ведущей интерпретации. Тем не менее православный храм, по традиции, сопоставляющей его с Иерусалимским храмом периода Ветхого Завета, имеет трехчастное деление и состоит из алтаря, средней части и притвора. «Высокий иконостас» высотой в четыре, пять или семь ярусов появляется на Руси в XV в. и логически продолжает отмеченную А. Шмеманом тенденцию к корпоративизации богослужения [15 с. 128–129], когда духовенство отделяется от мирян и всю богослужебную активность присваивает себе, маркируя линию разделения максимально рельефно: по мере увеличения ярусов в иконостасе края алтарной преграды в конце концов сомкнулись с боковыми стенами для ее устойчивости, образовав тем самым наглухо отделенное от остального храма про-

странство [16]. В храме иконостас выполняет роль визуального и сакрального центра, а во время богослужения задает систему иерархически соподчиненных локусов, которые отличаются друг от друга по степени визуального комфорта и количества получаемой благодати: «чем ближе к алтарю, тем больше благодати», порождая при этом практики перераспределения близких к алтарю локусов среди молящихся. Визуальная центрированность алтаря при помощи царских врат задает особую динамику в расположении молящихся перед иконостасом. В отличие от католических храмов, где открытое алтарное пространство инициирует перед собой структуру амфитеатра с широкой амплитудой крайних точек, включая дополнительные шеренги стоящих прихожан, в православных храмах, как уже было упомянуто, точки статических позиций образуют собой усеченную пирамиду с тенденцией на сгущение возле центральной оси, проходящей через алтарь с востока на запад.

Принципом визуального и пространственного комфорта можно объяснить появившуюся в 2000 г. традицию рассматривать солею (площадку перед алтарной преградой) в качестве VIP-зоны. Хронологически первым свидетельством этого являются фотографии с пасхального богослужения в Исаакиевского соборе, на которых только что избранный президент В. Путин вместе с высшими чиновниками стоит на левом клиросе. До этого момента высшие должностные лица, посещая православные службы, занимали место среди молящихся рядом с подножием солеи либо у центрального аналоя напротив амвона.

Пространство между алтарем и притвором, представляющее собой собственно храм, является наиболее динамической частью церкви, трансформируясь из места проведения литургии (как коллективного действия) в пространство для частных богослужений (треб) или индивидуальной молитвы, а также в концертное, административное или лекционное помещение. Именно здесь происходят совмещение и столкновение большинства траекторий. Исходя из геометрии пересечения кинетических линий, можно выделить два типа спационального поведения, свойственного священнослужителям и разнящимся друг от друга своим статусом категориям посетителей (родственникам священников, сторожам, свечницам и продавцам церковных лавок, а также посетителям с разным опытом воцерковления). Первый – произвольное перемещение по храму; посетитель при этом не встречает препятствий на своем пути. Второй – дискретное перемещение, когда траектория посетителя предопределяется другими присутствующими, в том числе с запретом пересекать немаркированные границы каких-либо локусов, доступ

к которым может быть затруднен без внятного объяснения причин. Статические позиции характеризуются тем же двумя типами режимов: человек может свободно стоять на занятом месте либо под тем или иным предлогом будет вытеснен с занятой позиции.

Во время богослужений типичны ситуации вынужденного перемещения, когда молящиеся стремятся вытеснить друг друга с занимаемого места, мотивируя свои действия либо как «это мое место, я здесь всегда стою», либо желанием занять более выгодную позицию обзора. Санкционированные смещения молящихся или посетителей храма с занятых ими позиций происходят во время вечернего богослужения (всенощной), когда за время службы происходят четыре выхода священнослужителей из алтаря с кажждением по периметру всего храма. Перед священниками обычно идет сторож (во время архиерейских богослужений – казак(и) или сотрудник(и) охранного предприятия), в буквальном смысле расчищая им дорогу. Реализуемый во время таких процессий принцип сводится к тому, чтобы пространство между идущим священником и расположенными на стенах иконами было свободно. В Александро-Невской лавре долгое время существовала практика насильственного вталкивания посетителей – чаще всего иностранных туристов – в гущу толпы. Но обычно все обходится грубыми замечаниями или мануальным дейктическим жестом, указывающим человеку траекторию перемещения. Характерно, что изначально смысл процессий-обходов храма по периметру заключался в вероучительной дидактике: двигаясь вдоль стен, священнослужители комментировали мозаики или фрески с событиями из ветхозаветной и новозаветной истории. На первый план выходила не топосная депривация молящихся, а вербальная коммуникация с ними. Во время выходов священнослужителей из алтаря в притвор для совершения литии соблюдается иной принцип: траектория любого священнослужителя должна быть максимально прямолинейной, без огибания встретившегося препятствия, даже если по пути следования священников остался стоять пожилой человек, которому трудно отступить в сторону.

Наблюдения за схожими ритуалами в католических и лютеранских храмах позволяют сделать вывод, что для них следование принципу прямолинейного передвижения во время процессий не столь обязательно. Например, стоящего на пути процессии ребенка или посетителя, не успевшего отойти в сторону, священнослужители огибают, стараясь при этом его не задеть. Справедливости ради стоит заметить, что конфликт траекторий и перераспределение локусов в зависимости от социальных статусов типичен не только для религиозных сообществ. Известно, что в 1980-е годы на историческом фа-

культете Ленинградского государственного университета существовала традиция, согласно которой по центральной оси коридора могли передвигаться только профессора и заведующими кафедрами. Всем остальным разрешалось передвигаться только вдоль стен.

За пределами богослужений принципу прямолинейного движения в храмах следуют две категории людей: священнослужители (независимо от их сана: пономари, дьяконы, священники) и работники храма. Различие происходит в плане геометрии: если священнослужители стараются максимально избегать совмещения с траекториями посетителей, то работники храма (сторожа и свечницы, занятые уборкой подсвечников) чаще всего стремятся к столкновению с траекториями других присутствующих. Анализ конфликтных взаимодействий позволяет говорить о феномене неоднородности сакрального пространства, когда оно предстает как соединение иерархически соподчиненных локусов разной степени сакральности с неочевидными для большинства посетителей храмов границами, пересечение которых зачастую становится поводом для конфликтов.

Тематизация сакрального пространства происходит по принципу усиления значимости того или иного участка храма в зависимости от расположения внутри его границ какого-либо сакрального артефакта. В то время как алтарь практически всегда отделен от остальной части храма высоким иконостасом, что само по себе препятствует проникновению в него лиц, не облеченных священным саном, границы других сакральных локусов зачастую являются условными и обладают разной степенью проницаемости в зависимости от статуса посетителя храма. В первую очередь это относится к пространству возле икон, ковчегов с мощами или канона с распятием. Типичная ситуация, наблюдаемая в храмах, может быть описана как временная приватизация посетителем определенного сакрального локуса (например, площадки перед иконой), при этом подразумеваемые границы сакрального локуса в какой-то мере совпадают с границами личного пространства молящегося. Поэтому в случае, когда человек задерживается перед иконой, вторжение в данный сакральный локус со стороны, например, свечниц, занятых протиранием икон или подливанием масла в лампы, часто воспринимается молящимся как покушение на их личное пространство. Однако свечницы действуют подобным образом исходя из представлений о превосходстве собственного статуса над статусом посетителя храма.

Хрестоматийным поводом для конфликтов является спор о длине огарка от свечи. Когда люди возмущаются, почему их не-

догоревшая свеча оказалась потушенной и убранной, свечницы объясняют свои действия примерно следующим образом: «Свечи сильно коптят и портят стены, а ремонт дорого стоит. Батюшка благословил убирать свечи, сгоревшие на треть. Вы разве не знаете, что, если свеча немного погорит, она уже считается жертвой Богу?» (Алекса́ндро-Невская лавра, 2013). Это объяснение интересно тем, что его мотивировка скрыто соотносится с существовавшей в дореволюционной России традицией использования слугами в домах вельмож огарков от сгоревших наполовину свечей для дополнительного заработка. Данное явление получило название «экономи́я на свечных огарках» [17].

Разнообразие ситуаций, происходящих в средней части храма, – от замечаний, споров и конфликтов до дружеского общения – позволяет тематизировать трехчастное деление храма исходя из его актуальных функциональных характеристик: если алтарь за пределами служб превращается в кабинет священника и административный офис храма, а средняя часть предстает как дидактическое пространство для религиозной социализации, то притвор служит зоной торговли и хранения хозяйственной утвари. Дидактическая функция была свойственна средней части изначально, о чем свидетельствуют существующие во многих храмах кафедры – небольшие балкончики, предназначенные для чтения Священного Писания и произнесения проповедей. Однако с «герметизацией» алтарной части и дистанцированием священников от прихожан роль агентов религиозной социализации берут на себя работники храма – сторожа, свечницы, продавцы в церковных лавках – и люди с постсоветским опытом воцерковления. Социализация заключается чаще всего в комментировании внешнего вида и действий посетителя. В этой ситуации наиболее уязвимой категорией посетителей являются молодые женщины, в облике которых агенты социализации стремятся найти какие-либо отклонения от имплицитных, не всем известных норм. Нарекание могут вызвать, например, отсутствие платка, брючный костюм или спортивный стиль в одежде, косметика или украшения, оголенные части тела, яркие цвета в одежде или прическе, шумящие дети, пришедшие вместе с матерью, использование мобильного телефона или планшета для чтения текста молитв с экрана. Обобщенно конфликт предстает как негативные неформальные санкции со стороны пожилых женщин с максимально скрытыми признаками фертильности по отношению к молодым женщинам фертильного возраста. Негативные санкции выражаются в этом случае не только вербально, но и кинетически или тактильно: молодую прихожанку могут вынуждать занять позицию как можно дальше от алтаря.

Право применения неформальных негативных санкций является ресурсом для конструирования более высокого (в координатах религиозной общины) статуса. Этот статус маркируется широким диапазоном санкций и их непредсказуемостью. Одно и то же лицо может намеренно испачкать молодой посетительнице одежду краями тазика для сбора огарков, тут же угостить пачкой печенья маленького ребенка и придержать перед входящим в храм мужчиной дверь. Репертуар замечаний включает в себя запрет ставить сумки на подоконник, сидеть в каком-либо месте или во время определенной части службы, набирать без предварительного уведомления освященную воду, приближаться к каким-либо объектам, даже если они не имеют сакрального статуса. Степень агрессивности при выражении санкций также полярна: при виде мобильного телефона церковный работник может обойтись пристальным взглядом или замечанием, но может и выбить его из рук. Та же асимметрия касается топосной деприкации: посетителя либо будут вытеснять с его места или траектории, могут выгнать из храма или просто воспрепятствовать входу вовнутрь. Запрет на посещение храма иногда исходит от священников по отношению к тем прихожанкам, которые, по мнению священнослужителя, религиозную мотивацию во взаимодействии с ним подменяют матримониальными мотивами. Таким посетительницам свойственно выстраивать стратегию поведения по принципу максимально возможного совпадения своего передвижения с траекторией священников (иногда используя для этого в качестве повода для коммуникации своих детей), что, в свою очередь, отчасти объясняет упомянутую выше дистанцированность священников от дидактического пространства и процесса религиозной социализации входящих в храм людей. Разнородность мотивов посетителей, посещающих храм не только как культовое сооружение, но и как торгово-досуговый комплекс, повышает виктимный статус священников, способствуя выстраиванию ими стратегии избегания пересечения собственных траекторий с траекториями прихожан.

Ведущими факторами в конфликтных взаимодействиях разных категорий посетителей храма являются, например, детально прописанный список правил поведения и допустимых действий, а также указание на источник возможных санкций (служащих храма и/или настоятеля). В католических храмах часто встречается объявление о том, что замечание в храме имеет право делать только священник (настоятель). Отсутствие подобной детализации для православных храмов, совмещающих сразу несколько функциональных режимов – храма и магазина, ведет, с одной стороны, к произволу

неформальных негативных санкций (иногда и положительных, как, угощение монахом Александро-Невской лавры одного из молодых прихожан апельсином, что было воспринято тем неоднозначно), с другой стороны, к ослаблению общекультурных и социальных требований к посетителям. Часто в храмах даже во время служб, когда там присутствуют маленькие дети, могут беспрепятственно находиться лица в состоянии алкогольного, токсического или наркотического опьянения. Свободным доступом обладают психически неуравновешенные лица, а также те, кто по аскетическим соображениям ходит в грязной одежде. Нередки случаи аутоагрессии, периодически сменяемой агрессивным поведением. Все это превращает сакральное пространство храма в зону непредсказуемых событий, чем, вероятно, объясняется характерный спастический режим и язык тела посетителей: это как правило вдавленные плечи и сильно спрессованный шейный и поясничный отделы позвоночника. Не в меньшей степени этому способствует распространенная в православных храмах практика динамического контроля за посетителями: сторожа и свечницы не только визуально сопровождают каждое движение присутствующего, но также стремятся выстроить свое передвижение параллельно с ним. Несколько эпизодов из полевого исследования общины Федоровского собора выявили механизм процедуры, когда в должности сторожа в храме оказался ребенок лет 10–11. Восприняв инструкции взрослых буквально, он сопровождал каждого посетителя, нарушая при этом общепринятые представления о социальной дистанции.

* * *

Высокая степень имплицитности правил поведения в каждом из приходо-в, а также непредсказуемость деления интерьера на локусы с разным режимом доступа вместе с категоричностью неформальных негативных санкций приводят к неизбежному выводу о тяготении храмовой среды и сакрального пространства к тотальному институту с такими его чертами, как презумпция виновности по отношению почти к каждому посетителю с избирательным давлением на него при помощи вербального или невербального воздействия, часто асимметричного совершенным поступкам. Статусные отличия в подобном тотализированном пространстве выражаются иногда спастически, на уровне особой походки с сильно раскачивающимся корпусом при ходьбе, что можно наблюдать у многих церковных работников и прихожан с длительным опытом воцерковления. Логика постоянно иницируемого дефицита пространства в храме проецируется и за церковную ограду в виде

категоричности выражаемых претензий церковного сообщества на общественное пространство (парки, скверы, бывшие церковные здания с размещенными в них культурными и социальными учреждениями).

Признаки тотализации, в данном случае гендерной, несут в себе требования к внешнему виду посетительниц храма. При ближайшем рассмотрении длинные до полу юбки церковных работниц и прихожанок с правом на негативные санкции оказываются репликой священнической рясы, поскольку в этом случае выбираются не приталенные образцы одежды, а максимально широкие и в условиях городской среды санитарно нефункциональные из-за своей длиннополости. Характерен выбор носительницами негативных санкций и головных уборов. Речь всегда идет о платках, цвет которых зависит от исползуемого священнослужителями облачения (за исключением желтого). В посты это будет черный платок, на Пасху красный, на богородичные праздники синий и т. д. В своей одежде церковные работницы попросту копируют тип одежды, свойственной мужчинам в священном сане. Возвращаясь к типу походки, описанному выше, можно добавить, что излишним раскачиванием корпуса из стороны в сторону церковные работницы в условиях храма стремятся сместить биологически свойственный женщинам центр тяжести и компенсировать движение бедер при ходьбе. Походка в таком случае, вслед за деталями одежды, тоже приобретает характеристики маскулинности.

Иницируемое высоким иконостасом неравенство точек благоприятного обзора способствует такому явлению, как постоянно воспроизводимый дефицит пространства. Принцип прямолинейного движения в качестве статусной характеристики работников храма лишь усиливает топосную депривацию тех посетителей, кто, с точки зрения носителей имплицитных норм, принадлежит к уязвимой категории присутствующих в храме людей. Контроль над пространством в условиях его воспроизводимого дефицита становится ресурсом для конструирования религиозно-административного статуса. Отличный от католических и лютеранских храмов (где пространство и траектории передвижения упорядочены поперечными линиями скамеек, а объекты поклонения (иконы, статуи и ковчеги с мощами) имеют более широкий визуально-тактильный проксемический фокус, не требующий только фронтальной статики) режим конвенциональности в православных церквях обнаруживает закономерность к агональному потреблению как отдельных локусов, так и всего сакрального пространства. Каждый участник движения стремится развернуть траекторию на как можно большей площади

пространства, неизбежно сталкиваясь с остальными присутствующими, особенно в ситуации ослабления института очереди. Целью перемещения по храму становятся тактильный охват всего проксемического пояса, а также тактильные взаимодействия со священниками (взятие у них благословения). Пространственно выраженная роль священника в храме с его дозированным присутствием в дидактической части отображает ситуацию искажения сакрального пространства, когда священнослужитель выполняет лишь роль эстетического центра храма, а посетителям служб отводится задача восполнения последовательности элементов храмового интерьера.

Библиография/References

1. Goffman, E. (1978) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Harmondsworth: Penguin Books.
2. Доклад митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира на епархиальном собрании духовенства и представителей приходских советов Санкт-Петербургской епархии 23 ноября 2005 года // Сайт Петербургской митрополии РПЦ МП. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=18871> (дата обращения: 14.01.2019) [Report by Metropolitan of St. Petersburg and the Ladoga Region Vladimir at the Meeting of Clergy and Representatives of the Parish Councils of the St. Petersburg Diocese, on November 23, 2005]
3. Гуманова О. Главный враг православной женщины – другая православная женщина // Православие и мир. URL: <https://www.pravmir.ru/glavnyj-vrag-pravoslavnoj-zhenshhiny-drugaya-pravoslavnaya-zhenshhina-1/> (Дата обращения: 17.02.2019) [The Main Enemy of an Orthodox Woman is Another Orthodox Woman]
4. Если обидели в храме... // Православие и мир. URL: <https://www.pravmir.ru/esli-obideli-v-xrame-1/> (Дата обращения: 20.12.2018) [If you are Insulted in a Church...]
5. Нектарий (Морозов), иг., Балаян Е. Мы в ответе за тех, кого оттолкнули. О реальной и мнимой грубости церковных работников // Православие.ru. URL: <https://pravoslavie.ru/61718.html> (Дата обращения: 20.12.2018) [We are Responsible for Those Whom We Have Pushed Away. About the Real and Imaginary Rudeness of Church Workers]
6. Рощеня Д. Савва (Мажуко), архим. «Бабкам нравится – значит, правильно!» Но что отпугивает от Церкви // Православие и мир. URL: <https://www.pravmir.ru/babkam-nravitsya-znachit-pravilno-no-chto-otpugivaet-ot-tserkvi/> (Дата обращения: 27.02.2019) [“Knucklebones like, so it is right»: But What Scares Away from the Church]

7. Приход и община в современном православии: Корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь мир, 2011. [The Parish and Community in Today's Orthodox Orthodoxy: The Grass-roots of Russian Religiosity]
8. *Рязанова С.В.* Храм как репрезентация современного провинциального православия (пермский опыт) // Религиоведческие исследования. 2016. № 1 (13). С. 77–90. [Church as a Model for Modern Provincial Orthodoxy: Perm Example]
9. *Кантарюк Е.А.* Социальное и сакральное в экзистенциальном пространстве больничного храма // Общество: философия, история, культура. 2016. № 8. С. 39–41. [The Social and the Sacred in the Existential Space of a Hospital Church]
10. *Сагитова В.* Именной кирпич – 100 рублей, а свая – 8500 рублей: в Уфе начато строительство нового храма // Независимая Уральская газета URL: <https://proural.info/details/imЕННОY-kirpich-100-rubleY-a-svaya-8500-rubleY-v-ufe-nachato-stroitelstvo-novogo-khrama/> (Дата обращения: 27.02.2019) [A Brick with Your Name for 100 rubles, a Pile for 8500 rubles: Construction of a New Church Launched in Ufa]
11. Именной кирпичик // Социальная сеть «Елисы. Записки». URL: <https://zapiski.elitsy.ru/brick> (Дата обращения: 20.01.2019) [A Little Brick with Your Name]
12. Петербургскому концерту в поддержку Pussy Riot грозит срыв, ГлавClub проверит прокуратура // Деловой Петербург. URL: https://www.dp.ru/a/2012/09/05/Koncertu_v_podderzhku_Pyss (Дата обращения: 12.10.2018) [St. Petersburg Concert in Support of Pussy Riot Faces a Danger of Break-down: GlavClub will be Checked by the Prosecutor's Office]
13. 28 мая в ДК им. Дзержинского выступил с концертом народный, ордена Св. Кирилла, казачий ансамбль «Атаман» // Сайт Петербургской митрополии РПЦ МП. URL: http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=19162&sphrase_id=61668 (Дата обращения: 2.11.2018) [On May 28, the Palace of Culture in the name of Dzerzhinsky hosted a concert of the Cossack Ensemble “Ataman” of the Order of St. Cyril]
14. *Флоренский П.А.* Храмовое действо как синтез искусств // Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 199–215. [“Liturgical Performance as a Synthesis of Arts”, in *Selected Works on Art*]
15. *Шмеман А., прот.* Введение в литургическое богословие. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. [Introduction to Liturgical Theology]
16. *Мельник А.Г.* Основные типы русских высоких иконостасов XV – середины XVII века // Иконостас. Происхождение–Развитие–Символика / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 431–441. [“The Major Types of Russian High Iconostases of the 15th-mid, 17th centuries”. in *Iconostasis. Origin, Development, Symbolism*]

17. *Зимин И.В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М.: Центрполиграф, 2010. [Children's World of Imperial Residences. Everyday Lives of the Monarchs and their Environment]

Информация об авторе

Елена В. Рыйгас, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Санкт-Петербург, Россия; Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; lauraev@mail.ru

Information about the author

Elena V. Ryugas, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, St. Petersburg, Russia; bld. 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg, Russia; lauraev@mail.ru